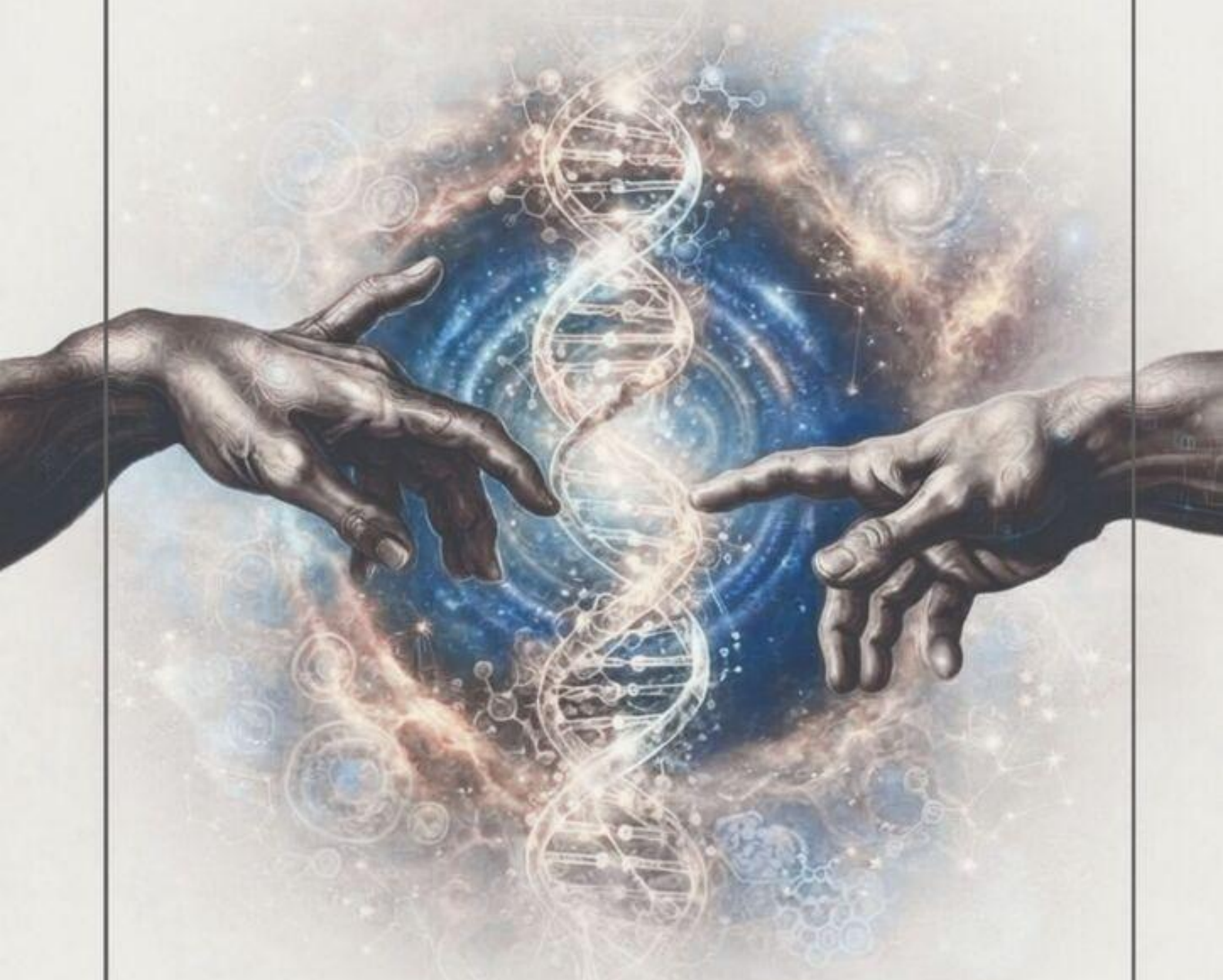
18+

КОД ЭПОХИ



Ирина Арсентьева

Код эпохи. Сборник современной поэзии и прозы

«Издательские решения»

Арсентьева И.

Код эпохи. Сборник современной поэзии и прозы /
И. Арсентьева — «Издательские решения»,

В сборнике собраны поэтические и прозаические произведения современных авторов — голоса, по-разному, но с одинаковой искренностью улавливающие ритм эпохи. На его страницах притаились вопросы, которые мы боимся задать вслух: куда ведёт наш путь и какой след останется после нас. «Код эпохи» не пытается удержать время, он стремится его отразить. Это не приговор и не пророчество, а попытка прислушаться: к себе, к городу за окном, к едва уловимому гулу проводов, ставшему нашим привычным фоном.

© Арсентьева И.
© Издательские решения

Содержание

К читателю 8
Александр Анюховский 9
Путеводная звезда 9
Август 10
Чёрные мысли 11
Стекают капли по стеклу… 12
Ветер и кленовый лист 13
Две розы 14
Куда уходят поэты 15
Моей внучке 16
Ты ничего не скажешь миру 17
Небо голубое манит и зовёт 18
Морячок 19
Татьяна Анитова 20
Яблоки падают 20
Воробьи 21
Признанье 22
Моё русское 23
Рассвет 24
Детство 25
Высоцкий 26
Ночной декаданс 27
Светлана Нагибина 28
Другая Вятка 28
Север 31
На Петровки 32
Потерянная Русь 33
Август 34
Луговина 35
За четвёртый лог 36
Ольга Бажина 37
Раздумье о нашей душе 37
Зачем Творец нам, людям, жизни дал… 38
Дорога длиною в жизнь 39
И время утекает постепенно… 40
Об Овне 41
О Рыбах 42
О Деве 43
Плач материнской души 44
Икар хотел взлететь… 45
Осенний этюд 46
Ирина Арсентьева 47
Притча о любви 47
Переспелое лето 48
Хозяин земли 49
Михаил Войтович 52

Эпоха 52
Скрипач 53
Песнь заурядности 55
Карнавал 57
Стрелы судьбы 59
Монолог в баре 60
Квантовая теория мира 61
Танечка Счастливая 62
Бусины на стекле 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Код эпохи
Сборник современной поэзии и прозы

Авторы: Арсентьева Ирина, Вахтомина Анастасия, Охотницкая Лилия, Урсул Ирина, Ильницкий Игорь, Анюховский Александр, Потапова Евгения, Вавильченкова Елена, Ибрагимова Мария, Нагибина Светлана, Калюжная Анна, Карпенко Елена, Камушкова Мария, Яблоновская Ольга, Войтович Михаил, Бажина Ольга, Полещикова Елена, Конюшенко Ирина, Счастливая Танечка, Долгих Людмила, Муканбетов Эдияр, Годунова Тамара, Мороз Софья, Старченко Ольга, Хайнус Инна, Гортинская Лидия, Загоруля Татьяна, Олейник Анна, Пипкова Татьяна, Лескова Анастасия, Горбачёв Юрий, Пчелинцева Вера, Ревенко Екатерина, Игнатюк Елена, Преснякова Наталья, Балдина Елена, Авраменко Ирина, Хлопкова Лариса, Яльницкий Анатолий, Юкина Юлия, Палагичева Виктория, Ковалев Никита, Мальцева Наталья, Черников Илья, Герр Ани, Соколова Марина, Емельяненко Сергей, Мосина Валентина, Бородин Сергей, Пучкова Надежда, Куцухо Татьяна, Самусик Юлия, Анитова Татьяна, Саблукова Наталья

Редактор Ирина Коробейникова
Дизайнер обложки Ксения Алексеева

© Ирина Арсентьева, 2026
© Анастасия Вахтомина, 2026
© Лилия Охотницкая, 2026
© Ирина Урсул, 2026
© Игорь Ильницкий, 2026
© Александр Анюховский, 2026
© Евгения Потапова, 2026
© Елена Вавильченкова, 2026
© Мария Ибрагимова, 2026
© Светлана Нагибина, 2026
© Анна Калюжная, 2026
© Елена Карпенко, 2026
© Мария Камушкова, 2026
© Ольга Яблоновская, 2026
© Михаил Войтович, 2026
© Ольга Бажина, 2026
© Елена Полещикова, 2026
© Ирина Конюшенко, 2026
© Танечка Счастливая, 2026
© Людмила Долгих, 2026
© Эдияр Муканбетов, 2026
© Тамара Годунова, 2026
© Софья Мороз, 2026
© Ольга Старченко, 2026
© Инна Хайнус, 2026
© Лидия Гортинская, 2026
© Татьяна Загоруля, 2026
© Анна Олейник, 2026
© Татьяна Пипкова, 2026
© Анастасия Лескова, 2026

© Юрий Горбачёв, 2026
© Вера Пчелинцева, 2026
© Екатерина Ревенко, 2026
© Елена Игнатюк, 2026
© Наталья Преснякова, 2026
© Елена Балдина, 2026
© Ирина Авраменко, 2026
© Лариса Хлопкова, 2026
© Анатолий Яльницкий, 2026
© Юлия Юкина, 2026
© Виктория Палагичева, 2026
© Никита Ковалев, 2026
© Наталья Мальцева, 2026
© Илья Черников, 2026
© Ани Герр, 2026
© Марина Соколова, 2026
© Сергей Емельяненко, 2026
© Валентина Мосина, 2026
© Сергей Бородин, 2026
© Надежда Пучкова, 2026
© Татьяна Куцухо, 2026
© Юлия Самусик, 2026
© Татьяна Анитова, 2026
© Наталья Саблукова, 2026
© Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6610-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Дорогой читатель!

Эпоха не вписывается в учебники, она рождается из мгновений и решений, меняющих привычный порядок вещей. Наш сборник «Код эпохи» — живой слепок времени: каждая история в нём — фрагмент большого узора, где человеческие судьбы сплетаются в причудливый, но узнаваемый рисунок нашей реальности.

Здесь собраны поэтические и прозаические произведения современных авторов — голоса, по-разному, но с одинаковой искренностью улавливающие ритм эпохи. В стихах она звучит как мелодия из коротких вдохов, случайных совпадений и слов, будто сказанных невзначай, но попавших в самое сердце. Проза разворачивает эти мгновения в сюжеты: герои в них лицом к лицу встречаются с переменами и ищут опору в мире, который всё быстрее ускоряется.

Это истории о выборе, о малых и великих бунтах против равнодушия, о попытках сберечь тепло там, где всё становится цифровым. На страницах сборника притаились вопросы, которые мы боимся задать вслух: куда ведёт наш путь и какой след останется после нас. Они звучат по-разному — то как тихий вопрос в конце долгого дня, то как крик в пустоту.

«Код эпохи» не пытается удержать время, он стремится его отразить. Это не приговор и не пророчество, а попытка прислушаться: к себе, к городу за окном, к едва уловимому гулу проводов, ставшему нашим привычным фоном.

Открой сборник и почувствуй пульс времени! Пусть эти произведения станут для тебя встречей с эпохой, с чужими мыслями и, быть может, с чем-то своим, давно ждавшим отклика.

Ирина Коробейникова — президент МСРП, редактор сборника

Александр Анюховский

Путеводная звезда

Посвящается Ольге Шестаковой

Ты — путеводная звезда,
Звезда надежды и спасенья
Тем, кто в отчаянном смятенье
Бежит от страшного суда!

Сердца, холодные, как лёд,
В лучах твоей заботы тают
И снова любят и мечтают
Достичь заоблачных высот!

Благословен тобой и я —
В себя мне веру пробудила:
Зажгла лампадкой и хранила,
Гнала сомненья от меня!

Август

Август машет подсолнухом спелым
И зелёной мне шепчет листвой:
«Прежде чем всё окутает белым,
Ещё будет пожар золотой.

Вспыхнут жёлто-малиновым цветом
Платья кротких красавиц берёз.
Клён раздаст для влюблённых букеты
В тихом парке чарующих грёз.

Ветерок понесёт паутинки
Вдоль ещё не озябших аллей.
Старый вальс патефонной пластинки
Растревожит, закружит сильней».

Как прекрасна осенняя сказка,
Август мне нашептал поутру
И с ведёрком, где жёлтая краска,
Уж навстречу бежал сентябрю.

Чёрные мысли

Белым трепетным огнём
Белых роз букет пылает.
Белый день ушёл дождём,
Белый свет луна бросает.

Белокурых прядь волос
Белой простыни стыдится.
Белый дым от папирос
Белым саваном ложится.

Белой девичьей груди
Белым пёрышком касаюсь.
Белых мыслей пруд пруди…
Сам же к чёрным опускаюсь!

Стекают капли по стеклу…

Стекают капли по стеклу,
Как слёзы по щекам.
Живое тянется к теплу,
К насиженным местам,

Где есть ночлег, накрытый стол
И бескорыстный взгляд,
Где я бы вновь душой расцвёл,
Как яблоневый сад.

Стекают капли по стеклу
Остывшего авто.
Мне не пробиться через мглу
Теперь уж ни за что.

Там мой ночлег, накрытый стол,
Твой бескорыстный взгляд.
Ах, как бы я душою цвёл,
Как наш весенний сад!

А дождик льёт свою печаль,
Деля её со мной,
И где-то там уже февраль
За мокрой пеленой.

Там вечный ждёт меня ночлег,
Творца пытливый взгляд,
И закольцованный флешбэк[1],
И тихий райский сад.

[1] Флешбэк — внезапное появление ярких воспоминаний, эмоций или ощущений, которые человек уже переживал ранее.

Ветер и кленовый лист

Подхватил весёлый ветер
Лист кленовый и понёс,
Чтобы вместе скрасить вечер
У молоденьких берёз.

Только лист сопротивлялся:
«Нету зелени былой,
Я своё уж отгулялся —
Весь подёрнут желтизной!»

Но тащил его бродяга,
Увлекая за собой.
«Ты не будь ворчливым скрягой,
Ты не жёлтый — золотой!

Поживём ещё на свете,
Улыбнись давай, старик!» —
Пел ему негромко ветер —
Неуёмный озорник.

Две розы

Недолог век прекрасной розы,
Блеснёт красою лишь на миг.
Бутон увядший спрячет слёзы
Среди страниц забытых книг.

И одинокая старуха,
Что розой в юности цвела,
Найдёт её и скажет сухо:
«Привет, подруга. Как дела?»

Я помню, дивным ароматом
Ты наполняла тихий дом.
Тобой любуясь и закатом,
С любимым нежились вдвоём.

А ты стояла горделиво
В плену своих наивных грёз.
Была и я, и ты красива…
Нет вечной свежести у роз!

Куда уходят поэты

Памяти белорусского поэта Александра Николаевича Казеко

Куда уходят поэты,
Окончив свой путь земной?
Однажды, сойдя с планеты,
Уходят к себе домой!

Туда, где в мечтах летали,
Проложен их путь строкой.
Где всё, что другим давали,
Не взяв ничего с собой!

Сгорая звездой, поэты
Оставят тепло и свет.
В туман уйдут силуэты,
А сердце поэтов — нет!

Моей внучке

Улыбнулась в небе тучка,
Подмигнуло солнце мне.
Родилась сегодня внучка,
Как цветочек на земле.

Моя внученька родная,
Я от счастья сам не свой.
И весь мир обнять желаю
За тебя, малыш родной.

Ты — весны росток желанный,
Крепни, к солнышку тянись,
Ангелочек долгожданный,
Счастьем, радостью светись!

P. S.

Сына, доченьку-колючку
Подарил мне месяц Май.
А теперь до кучи внучку,
На, дедуля, получай!

Ты ничего не скажешь миру

Ты ничего не скажешь миру,
В себе закрывшийся поэт!
Уж солнца луч в твою квартиру
Не проникал десятки лет.

И ты, дряхлеющий избранник
Для Музы сладостных утех,
Забыт! И будто вечный странник
Живёшь, отрёкшийся от всех.

Тоской безудержной забита
Замков не знающая дверь
Души твоей! И позабыта
Любовь, ненужная теперь.

Ты восхищался голой Правдой
И флиртовал вразрез толпе,
И, как по площади нарядной,
Шагал по узенькой тропе.

И не заметил, как остался
Без Правды, Веры и Любви
Один! А в небе загорался
Рассвет, измазанный в крови.

Испив бокал холодной дрожи,
Ты погружён в кошмарный сон.
Лишь тень тоски на бледной коже
Да на губах застывший стон.

Небо голубое манит и зовёт

Небо голубое манит и зовёт,
Жаворонка песня душу мою рвёт.
Тесно ей, злодейке, ломит аж в костях,
Тянет разгуляться на семи ветрах.

Лентой голубою вдаль бежит река.
Ей бы в ширь разлиться — держат берега.
Держат, не пускают и меня грехи:
К просьбам и молитвам небеса глухи!

Греет глаз влюблённых голубой огонь,
Сердце размягчает на щеке ладонь
Женщины любимой, женщины родной.
Только с нею рядом счастье и покой!

Морячок

Бескрайний синий океан
Мне видится во сне,
Где я, беспечный мальчуган,
Рукой машу волне.

Попутный ветер в парусах,
И берег мой далёк,
И ярко светится в глазах
Счастливый огонёк.

На мачте солнышко висит —
Другим судам маяк,
А сердце бешено стучит:
«Вперёд давай, моряк!

Ты в этой водной синеве
Давно свой путь избрал,
Наперекор дурной молве
Держи, дружок, штурвал!

Не бойся тучек грозовых —
Ты с ними примешь бой!
Девятый вал тревог пустых
Не справится с тобой!

И путеводная звезда,
Что светит морякам,
Во тьме укажет путь всегда
К желанным берегам!

Татьяна Анитова

Яблоки падают

Яблоки падают, сочностью хвастаясь,
С радостью сыплются, словно отмучились,
Ждали до Спаса всё лето, измаялись
Да по траве по зелёной соскучились.

Яблоки падают, тёплые, райские,
Губы касаются плода заветного.
Ем наливное, царевна из сказки я
Или девчонка ничем не приметная.

Яблоки падают, время отмерено.
Мякоть — на дольки, ни капли сомнения.
Ручками нежными дочери Евины
В медных тазах наколдуют варенье.

Яблоки падают, в сахаре плавятся,
Вянет цветок, впопыхах кем-то сорванный.
И задирает подолы красавицам
Ветер-мальчишка, ещё не целованный.

Воробьи

Шаги, шершавые тропинки
И паутиновый полёт.
А горький сок лесной былинки
Вмиг забродил, попавши в рот.

И дух рябин проснулся терпкий,
И послевкусие дождей.
Размытой сливою на ветке
Застыл промокший воробей.

Прохладным солнышком звенела
Мне воробьиная мечта.
Как горстка семечек взлетела —
Ладонь подсолнуха пуста!

«Чирик!» — пропело где-то лето,
Давая шанс слегка дозреть,
Петь воробьиные куплеты
И сочно яблоком хрустеть!

Признанье

Немного холода на плечи, надвинуть шапку на глаза,
Идти, шептать, что всё не вечно, как мятых листьев органза,
И разбивать ногами лужи, хрустеть конфетой карамель.
Зайти в туман, как в плед верблюжий, где скрипнет ржаво карусель,
Шагнуть…
И звуки отступили… На миллионы лет назад.
И только те, кто нас любили, листвою в парке зашуршат…
Их голоса и их касанья, их запах тлена и земли
Засыплют голову признаньем несостоявшейся любви…

Моё русское

Зарогатился месяц остренький,
Как бычок молодой бодается.
Под зелёным подолом сосенки
Раскидали платки красавицы.

Нет, не выдержит вымя тяжести —
Разольётся туман над росами.
И молочным рассвет окажется,
Расплескавшийся над берёзами.

И оближет той сладкой радостью,
Как телёнка родного, тёплого.
И вздохнёт всей своей усталостью
Моё русское и свободное.

Рассвет

Схватить рассвет, не обжигая пальцы,
Прибавить звук всем певчим в этот час.
И вышивать, в руках сжимая пяльцы,
Рассветный лик: и профиль, и анфас.

И в троеперстье складывая звуки,
Шепча любовь, распластываюсь ниц.
Земля с землёй — мои коснутся руки
Под райский хор неутомимых птиц.

Детство

Ах, сколько в детстве перьев под ногами!
Легко их спутать с птичьими порой.
Мы их хранили и шептали маме:
«Они для крыльев! Полетим со мной!»

И бестелесный вестник, улетая,
Улыбку пряча в летний звездопад,
Учил, что Детство — лишь частица Рая,
Где наши крылья бережно хранят.

Высоцкий

Голос цеплялся за провода,
Хрустнула тоненько косточка.
Помнишь, в овраге замёрзла звезда,
В доме захлопнулась форточка?!

Дёрнулись струны, пальцами в бой.
В изнеможении, хриплая
Песня всё знала про жизнь и про боль,
Словно раскрытая Библия.

В каждом окошке — гимны любви,
Рай шалаша вечно тесного.
Слушали грубый, как голос земли,
Ветер из Царства Небесного.

Ночной декаданс

Ночью веранды синие, синие терема!
Ночь подсыпает силы мне, просит взамен слова.
Кружка о руки греется, лунный впуская свет.
Верится иль не верится, смысла у жизни нет.

Ложкой ловлю сомнения, чайнику ручку жму,
Сладко течёт варенье каплей смолы во тьму.
Ночь расплетая бережно, бабочки к свечкам льнут.
Стрелы летят к царевишнам на лягушачий пруд.

Мается ночка, мается, папоротник отцвёл.
Бледный рассвет спускается за опустевший стол.
Утром веранды красные, в тереме ждёт кровать.
Смыслы такие разные, надо ли их искать?!

Светлана Нагибина

Другая Вятка

Великорецкому крестному ходу 2019 года

Вечер подгонял её. Свет настольной лампы ограничил пространство и сосредоточил на работе. Фотиния думала о Великорецком, о пешей молитве. В девятнадцатом году она впервые ходила в крестный ход. Через два с половиной года фотоплёнкой проявились в памяти те июньские дни, обрели для неё свою ценность и вес.

За окном был январь двадцать второго. В который раз уже за последние годы Фотиния обращала мысленный взгляд назад, в прошлое. Зачем?

Казалось, что сейчас ей даётся время для осмысления жизни, и события становятся уроками, которые нужно выучить. Фотиния начинала понимать происходившее с ней тогда, в девятнадцатом, по-другому. Что-то уже виделось внутренним зрением, но всё ещё пока неясно, размыто, «как деревья».

Тема других людей, другой Вятки пришла к ней давно. Мысль зрела и становилась всё более чёткой во внутреннем пространстве. Появилась она после глубоких перемен в жизни, пришедших в середине десятых, а потом проникла и в мировоззрение. Не в одночасье произошла смена полюсов, ориентиров, смена определяющих сущность личности начал.

Двадцать первое февраля Светлана будет считать своим духовным днём рождения. В тот день она почувствовала, что стала Фотинией, что Господь стал частью её жизни. Метельный вечер подвёл черту навсегда ушедшей в прошлое неопределённости. Но принятие Бога, его мира не могло произойти в человеке одним днём.

Летом восемнадцатого Фотиния похоронила мужа. Мир рухнул в одночасье. Началось переосмысление всего прожитого и пережитого, началась кропотливая, болезненная работа над ошибками, обидными и горькими. Три года брожений, скитаний, скорби привели её в церковь, открыли покаянию, готовили к колоссальным изменениям в жизни.

Третьего июня девятнадцатого года она в полном снаряжении пришла во двор Успенского собора Трифонова монастыря, откуда ежегодно отправлялся в путь по вятским весям многодневный Великорецкий крестный ход. В то утро молитвенным шествием шла уже воцерковлённая христианка. Находясь в потоке живой реки, она сразу почувствовала, что находится среди своих, что душа спокойна, что душе это нужно.

Большую часть жизни она была Светланой. В юности окончила пединститут, вышла замуж, родила детей и как-то жила в своём неприхотливом городе его заботами и горестями. В сущности, жила, как и все: с трудом, не без потерь, пережила девяностые и нулевые. В её жизнь приходили какие-то организации, в которых она как-то работала, особенно не рассуждая о призвании. Вернее, задвигая больную для себя тему подальше, в тёмные закоулки души. Целый отрезок её жизни был временным, а точнее — безвременным.

В разные годы, на разных работах Светлану везде окружали люди — такие же, как и она, не видевшие духовной вертикали в окружающем мире, даже не задумывающиеся о том, что в этом мире существует какая-то вертикаль. Эти люди были заняты добыванием денег, развлечениями, грехами — чем угодно, только не Богом. Таких людей в её маленьком городе было много — все, с кем она была знакома.

В те годы Светлана не знала других людей, не видела другой жизни, других отношений. Но и в эпоху мрачного безвременья девяностых-нулевых щемящим чувством дома любила она свой старый город Вятку.

С приходом женщины в церковь, круг её общения начал меняться. Старый мир расходился по швам, его истлевшая материя распадалась прямо в руках. В поле зрения стали попадать люди, которых раньше она просто не замечала. Прежде всего верующие, среди которых были инвалиды, бездомные, вдовы, матери, похоронившие своих детей, миссионеры, священники, старики, молодёжь, образованные и не очень. Люди из разных социальных слоёв. В глазах прихожанки всех их что-то объединяло: они были другими, совершенно другими. Ничего похожего Фотиния не встречала в своей довольно зрелой жизни. Она понимала это.

Оказывается, рядом живут другие люди. В новом мире ей открылись другие ценности, особенные человеческие качества. Конечно, она знала расхожее выражение «не от мира сего», произносимое с нескрываемой иронией в адрес непонятных, а порой и непринимаемых людей. Так в её среде говорили о не вполне адекватных, а может, даже и нормальных в глазах большинства.

На самом деле есть люди, которые, и правда, живут в другом мире, как позже поняла Фотиния, — в мире духовном. С появлением в её жизни таких людей она по-новому взглянула и на любимый город.

Утром третьего июня девятнадцатого года люди заполонили улицу Ленина от края до края. Женщина шла в общем человеческом потоке с чувством удивительной лёгкости, уверенности и осознанности совершаемого. Все шли довольно быстрым шагом, временами то тут то там звучали обрывки общей молитвы, разносимой гулким эхом по капиллярам узких вятских улочек. Замечательное солнечное утро обрушилось мощным ливнем на головы крестоходцев, когда шествие направилось на старый мост в сторону села Макарье до первой остановки крестного хода. Дождь отвесной стеной встал на пути кающегося человечества.

Впервые в тот день Фотиния увидела размеры вятской веры, веры своего народа. Это колоссальное зрелище принесло многие раздумья просыпающейся человеческой душе. Люди, люди, люди… как речной песок, они почему-то шли все вместе, организованно, одним маршрутом, с какой-то только им одним понятной целью. Они несли молитву в Великорецкое, несли Великорецкую икону Святителя Николая Чудотворца.

Песчинка в людском потоке, Фотиния невольно становилась свидетелем разговоров начала пути. Люди здесь были разные; «провожать» крестный ход до Макарья шли и невоцерковлённые, и даже мало верующие. Потому до неё доносились обрывки фраз, далёких от церкви и религии. Но чем дальше от благ цивилизации отходили крестоходцы, тем сильнее и громче звучала молитва. Она крепла и росла. Когда к вечеру первого дня колонна остановилась и долго стояла под проливным дождём на входе в село Бобино, Фотиния увидела веру рядом стоявших незнакомых людей, братьев во Христе, почувствовала силу духовного единения.

В палатке было сухо, горела лампа, ждал горячий ужин. Клеёнка, взятая от дождя, немного укрыла, но не спасла. К вечеру одежда намокла. Ноги гудели. Хотелось есть и спать. После общей трапезы стали устраиваться на ночлег. В какой-то момент неожиданно для себя она увидела в палатке батюшку с её прихода — отца Андрея. Он стоял у входа и молча смотрел на своих прихожан.

— Батюшка, добрый вечер! Вы здесь! Как я рада встрече! Иду первый раз, ничего ещё не знаю. Ноги болят с непривычки.

— Здравствуй, Фотиния. Я поначалу ходил пешком, а теперь ноги не дают. Так вот приезжаю на первую ночёвку, хотя бы словом своих в пути поддержать.

— Не знаю, как далеко смогу я дойти. Батюшка, благословите.

— Господь всё по силам даёт. Сколько сможешь пройти — столько и хорошо. Столько и послано тебе трудов в этот раз.

— Поняла, отец Андрей. Спаси, Господи!

Она протянула к священнику сложенные ладошки, поцеловала добрые, благословляющие в путь руки.

Утром паломница почувствовала боль в носоглотке и за завтраком сказала об этом соседке. С Раисой они познакомились во время первой остановки. Женщина приехала из Москвы, и это был уже не первый её крестный ход. Новообретённая сестра поделилась своим опытом, а утром подарила чудодейственный ингалятор (китайского производства, который многих денег стоил) для носа, на травах. Вдохнула Фотиния раз, вдохнула два — и боль от холодной ночи, от сна на промёрзшей за зиму земле как рукой сняло.

— Чудеса! — подумала она. — Чудны дела твои, Господи!

Богатым был вечер первого дня на встречи. Среди огромного скопления людей Фотиния случайно увидела коллегу по школе, брата во Христе Димитрия. Минутная, но радостная встреча поддержала и укрепила дух. В начале второго ночи ход тронулся из лагеря в Бобино. Братья и сёстры желали друг другу сил в пути, выходя ранним росным утром из села. Им предстоял самый долгий и самый тяжёлый переход до Монастырского.

Наконец рассвело. В колонне ощущалась радость восстановленных за ночь сил. Было солнечно и тепло. Лесные дороги встретили огромными лужами, больше похожими на моря.

— Только бы переход этого дня осилить! — слышались в толпе слова бывалых.

С твёрдой верой, что «дорогу осилит идущий», покидала Бобино неопытная Фотиния. Весь день православные месили грязь, которая местами была выше голенищ их сапог. Полями, лесами, бездорожьем шли. От привала к привалу шли. Проверяя на прочность силу воли и веру, шли. День уже клонился к вечеру, казалось, вот-вот за поворотом откроется долгожданное Монастырское. Но его всё не было и не было. Время остановилось, долгожданное село будто растворилось в тумане. Приближался вечер.

Последний отрезок пути был самым трудным. Сумерки сгустились. Когда Фотиния вспомнила о времени, на часах было около восьми. Измождённые люди шли по просеке в полумраке; вместо дороги под ногами чавкала глина с водой, превращённая сотнями ног в густую жижу. В какой-то момент в просвете просеки Фотиния увидела село и от усталости даже не обрадовалась этому.

Туманным утром крестоходцы продолжили путь без неё. Фотиния проводила колонну паломников долгим взглядом. На сердце было тяжело. Сдалась. Таким получился её первый опыт несения трудов. Путь в Великорецкое открыл прихожанке другую Вятку. Она захотела стать частицей города и края с глубочайшими духовными корнями, с верующим народом, хранящим в памяти молитву многих поколений. Фотиния вернулась домой раньше паломников. Она прошла только часть пути — сколько дано было ей в этот раз, сколько оказалось по силам. Но она узнала путь, который она пройдёт до исповеди и причастия в Великорецком.

Север

По сторонке сладкий клевер
Да ромашковый узор,
Прозевал дорогу север
Возле ласковых сестёр.

Очарованный цветеньем,
По июлю босиком
Торопился в травы север
Разомлевшим ветерком.

Медуницы и кипрея
Ароматами сражён,
Он забыл про то, что север,
Погружаясь в чуткий сон.

Недалёк осенний холод,
Медоносы отцветут,
Неприветлив и немолод,
Затоскует север тут.

И тогда пустынным утром,
С седины росу смахнув,
Опечалится чему-то
И заплачет в тишину.

На Петровки

До Петровок[2] нежно лето,
Ясно, молодо, свежо.
Всё творение согрето,
И на сердце хорошо.

На Петровки травы в силе
И литовка на ходу.
Деды, прадеды косили
Луговины лебеду.

Крепко веники вязали
Из берёзы в те поры́.
Ароматные скрижали
В прок рубили топоры.

На Петровки прадед в церкви
Вслух «Апостола» читал.
Подле слова звоны меркли
Восхваляющих кимвал.

Пост Петров, крестьянский полдень,
Сенокосная жара.
День сиянием исполнен,
Жизнь Отечеством мудра.

[2] Петровки — 12 июля, День святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Потерянная Русь

Как пахнет мёдом разморённый луг,
Едва колышутся некошеные травы.
Полёты бабочки забудутся не вдруг,
Не вдруг осыплются овсяницы дубравы.

Дождями сдобрена украденная Русь,
Но жмётся к радости обыденное лето.
Ветрами мягкими на клевер поднимусь
И боль протяжную оставлю без ответа.

Зовёт в объятия невидимый шатёр,
Сверкает каплями Заступница ли, влага.
Не молчалив, не суетлив и не востёр,
Он знает цену искупительного шага.

К пшеничным локонам метлицы прикоснусь,
Живым дыханием земли и струй согрета.
На миг один верну потерянную Русь,
На краткий миг благословенного запрета.

Я не могу от васнецовских трав уйти,
Когда бы мне на эти травы опереться,
На эту Русь, что помещается в горсти́
И даже в горе заставляет биться сердце.

Август

В междуречье судьбы, на уключинах лета,
Согревая прохладу пледом скошенных трав,
Он обнял тишиной перепутье поэта,
Звука терпкие ноты выше сердца подняв.

В переменчивый мир, потемневший от зноя,
Он вошёл благодатью неспешных минут.
Задышали века, и запелось иное
В фиолетовых ливнях, где звёзды растут.

Отменяя слова, был на росах настойчив,
Не искал откровений в парадах планет,
Но в туманах парных зазвенел колокольчик,
Белобрюхой коровы потерянный след.

Колокольчик дрожал, как сомненье былое,
Доставая из тени забытые дни,
И качнулась луна, словно древняя Троя,
И в ночи показались родные огни.

И уже не искать, и уже не поправить,
И не надо бежать за упрямой строкой.
Август бегло читал человека на память,
Сея в раненом сердце уют и покой.

Луговина

Подсыхают травы у обочины,
Спеет луговина в шоколад.
Клевера́, любовью оторочены,
Безглаголье русское хранят.
Увязался ветер за дорогою,
Очарован зеленью босой,
Подле август медными порогами
Обернул кручину в травостой.
Но стихает дуновенье сладкое,
Забирает душу тишина,
Деревенской, прежнею повадкою
Луговине набело[3] дана.
Расправляя дух, иду по белому,
Обнимаю клевером любовь,
И даёт пророку неумелому
Божий мир трепещущая кровь.
Эта кровь веками в травы просится,
Сенокосным маревом жива,
Не уйдёт из сердца располосица[4],
Холстяного августа вдова.

[3] Набело — здесь: начисто, окончательно, правильно, совершенным образом.

[4] Располосица — чередование плохого и хорошего в жизни, цвета — в природе.

За четвёртый лог

Выйду к лесу надышаться
Ароматом пряных дней.
Рос некошеных богатство,
Воздух родины моей.

Дождь июльский, тих и ласков,
Шёл по просеке восéть[5],
Вёл усталую савраску
По брусничной полосе.

В ливнях крепкого настоя
Вспомню давнюю мечту,
Что-то доброе, простое
Травам наскоро прочту.

За четвертый лог[6] — Есенин,
У ручья вздыхает Фет.
Чаю хрупких потрясений
С мятным запахом конфет.

Пижмы бархатная шея,
Тянет в небо терпкий дух.
В клети[7] русского кипрея
Духом русская иду.

[5] Восéть — недавно, на днях (разг, вят.)

[6] За четвёртый лог — ходили с дедом по грибы в Кочегарах (прим. авт.)

[7] Клеть — неотапливаемое помещение крестьянской избы.

Ольга Бажина

Раздумье о нашей душе

У каждого своя душа,
Её вручил нам Боже.
Плоха она иль хороша,
На что она похожа,
Огонь в ней плещет иль вода
И жарка иль студёна,
Хрупка она или тверда,
Мелка или бездонна,
Она с рожденья всем дана
Единого размера,
Но уменьшается она,
Когда в ней гибнет вера,
Потом надежда и любовь
Сбегают от удушья,
И под опекою грехов
В ней селится бездушье.
Теперь душа едва видна,
Почти что нитевидна,
И это каждого вина!
Неужто не обидно,
Что то, что нам вручил Творец,
Подарок людям божий,
Совсем усохнет под конец
Шагреневою кожей!

Зачем Творец нам, людям, жизни дал…

Зачем Творец нам, людям, жизни дал,
Кто все мы для него? Его подобье, дети?
Согласно Библии Он каждого создал,
Чтоб разделить свою любовь на свете
С себе подобными, которых сотворил,
С надеждою вдохнув любовь в их души,
И с каждою душой людской заговорил,
И верил в то, что его голос не заглушит
Всё то, что может искушать людей:
Желанья грешные в них алчности, разврата!
Протягивая руку им в беде,
Пытается спасти их от расплаты
За все грехи и испытания даёт,
Но чаще тем, кого сильнее любит,
И даже тех, кто Бога предаёт,
Он за предательство прощает и не губит,
Позволив человеку, кто оступился вдруг,
И искупить вину, и жизнь прожить иную.
Бог — наш Отец небесный, Он и судья, и друг,
И Он прощает жизнь нам грешную, земную.
А мы понять должны что Он — в любом из нас,
Чтоб каждый день в себе внимательнее слушать
Того, кто Ад поправ, своею смертью спас
От смерти и забвенья наши души!

Дорога длиною в жизнь

Обласканные девственной природой,
Прославленные пушкинским пером,
Обвенчанные с ветром и свободой
И с душами, горящими костром,

Они пришли из Индии однажды,
Чужую веру, языки приняв,
Томимые страстями, воли жаждой
И музыкой цыганской мир обняв.

Взлетают многоярусные юбки,
Звенят мониста, бубны их в ночи,
Вино романсов сладко льётся в кубки,
Но жизнью кочевою чуть горчит.

Им воля — мать, им сёстры — степь, дорога,
Гитара — дочь, а сын — крылатый конь.
Для счастья в жизни нужно им немного:
Лишь песни, танцы, карты и огонь!

Пред ними полог небо простирает,
И новая окрестность их манит,
И отразившийся в очах костёр сгорает,
И вновь влечёт дорога, как магнит!

И время утекает постепенно…

И время утекает постепенно,
И старость надвигается степенно,
А я, как прежде, рифмами журчу
И старости сдаваться не хочу!
Средь сдавшихся меня ей не найти.
Так пусть пока заблудится в пути!

Об Овне

Об Овне, первом знаке зодиака,
Нам три легенды подарили греки —
Две популярные, я ж выбрала для знака
Не столь известную из их библиотеки.

Добавила воображенья в меру
И с головою в древность погрузилась,
И новая легенда нашей эры
Из греческой в ремейке отразилась

Про то, как в древней Африке в пустыне
Бог Дионис —Вакх, кончивший сраженье,
Блуждал, пути не зная, на чужбине
И оказался в глупом положенье.

Ведь Вакх, бог алкоголя и разврата,
Под винными тяжёлыми парами
Не мог найти дорогу для возврата
К богам Олимпа и Семеле-маме.

Но овна встретил на пути пустынном,
Которому в местах тех всё знакомо,
И овен Бахусу под перегаром винным
Помог добраться до Олимпа дома.

За то, что овен путь найти помог,
Его звездой на небе сделал Бахус бог.
А ты не бог, и в меру пей отныне,
А то окажешься без овна да в пустыне!

О Рыбах

Плещутся в небесном океане
Звёздные мистические рыбки,
Льют на землю свет волшебный зыбкий
И ныряют в Млечности туманы.

А внизу, поверив в гороскопы,
Ждут чудес наивные земляне,
И с других галактик в телескопы
Смотрят сверху инопланетяне,

Равноденствия весны прихода
Ожидая, солнечного света,
И выходят на парад планеты,
Как на смотр незримый небосвода,

Ждут военачальника Светило,
Чтобы Солнца света всем хватило!

О Деве

Случилось, что великий Зевс,
Любвеобильный василевс,
От прелестей богинь устав,
И волочиться перестав

За юными наядами,
Прекрасными дриадами,
Узрел среди всех зодиаков
Небесных гороскопа знаков

Знак Девы чистой и прекрасной
И, воспылав любовью страстной,
Супружеский забыл обет
Не изменять хотя б сто лет.

И подвело его нутро,
Как только бес толкнул в ребро.
И Зевс у Девы непорочной
Честь запятнал бы, это точно,

Но Гера, мудрая супруга,
Спасла её и мужа-друга
От сплетен эринни́й и фурий:
У Девы опекун — Меркурий!

Он, стоя в небе на посту,
Хранит созвездья чистоту!

Плач материнской души

Не виделись три с лишним года:
Событья разлучили их.
Жизнь изменилась для двоих:
У каждого своя свобода!
И только через Интернет
Они могли друг друга видеть
И обвинять, и ненавидеть
Похитивших их жизни свет.
Но возвести не смог виновный
Свои границы для любви
И материнской, и сыновней!
Она текла у них в крови
И к Богу ввысь над облаками
Молитвы матери неслись!
Бог услыхал их, и руками,
Сердцами двое обнялись!
Их долгожданное свиданье
И их счастливые глаза,
И двух сердец одно рыданье
Им подарили небеса.
Спустилось провиденье Божье,
Мать с сыном встретились опять,
И удалось двоим понять —
Нет ничего семьи дороже!

Икар хотел взлететь…

Икар хотел взлететь до самого светила,
Про воск, скреплявший перья на крыльях, он забыл!
Ему гордыню, дерзость Светило не простило:
Бог Солнца воск дыханьем горячим растопил,
И рухнул вниз смельчак, однажды возомнивший,
Что может сам так просто до солнца долететь,
И не было с ним рядом крылами подхвативших
Того, кто смог позволить свободы захотеть.
Сегодня среди нас немного пусть Икаров,
Они взлетают ввысь наперекор судьбе,
Порой срываясь вниз от жизненных ударов.
И коль взлететь судьбою позволено тебе,
Попробуй древний миф о смельчаке подправить:
Сорвавшемуся вниз сумей крыло подставить!

Осенний этюд

На небе штиль, как будто в море,
А облака в нём — острова,
Деревья — в царственном уборе
И в брызгах золотых листва,

Калины ягоды алеют,
В листве пылая, как очаг,
В безветренной погоде млеют
В последних солнечных лучах.

Травы покров ещё зелёный,
Но хладом тянет от земли,
От прокалённой, запылённой,
И очень скоро журавли

По яркой полосе заката
Прочертят клин, крича вдали…

Ирина Арсентьева

Притча о любви

Однажды юноша пришёл к старому мудрецу и сказал:

— Я нашёл свою любовь. Она такая светлая, такая прекрасная, что мне кажется, она никогда не погаснет. Зачем её беречь? Ведь она вечная.

Мудрец молча взял свечу и зажёг её. Пламя взметнулось вверх ровным золотистым столбиком.

— Смотри, — сказал старец. — Пока вокруг тихо, пламя спокойное. Но стоит подуть ветру, и оно задрожит, начнёт клониться, может и вовсе погаснуть.

Юноша согласился.

Тогда мудрец приоткрыл дверь, и в комнату ворвался лёгкий сквозняк. Пламя свечи затрепетало, сжалось, стало едва заметным. Юноша инстинктивно прикрыл свечу ладонью, защищая её от ветра.

— Вот видишь, — улыбнулся мудрец. — Ты только что понял главное: даже самое сильное пламя нуждается в защите. Любовь — как этот огонь: она даёт свет и тепло, но уязвима. Её ранят резкие слова, гасит равнодушие, обжигает поспешная обида.

— Но если она такая хрупкая, как же её сохранить? — спросил юноша.

— Так же, как ты сейчас прикрыл свечу. Бережно. Каждый день. Не давать ветру дуть на неё. Замечать, когда пламя слабеет, и становиться щитом. А ещё — разжигать её заново, если она чуть погасла: добрым словом, тихим вниманием, прощённой мелочью.

Юноша задумался, а потом тихо произнёс:

— Значит, беречь любовь — это не ждать, что она будет гореть сама по себе, а каждый день помогать ей не погаснуть.

Мудрец кивнул:

— Именно так, мой мальчик…

Переспелое лето

Переспелое лето висит над землёй, густое и тягучее, напоминая остывающий клубничный сироп, в котором под любимой в детстве пенкой прячется тайна: сам воздух хранит невысказанные слова, осевшие на пожухлых листьях мелкими крупинками времени. Пахнет перезревшей малиной, но её сладкий дух уже тронут лёгкой кислинкой, будто она успела прошептать что-то важное перед тем, как начать увядать. Сухая трава, что полегла под зноем, теперь шепчет при каждом редком порыве ветра, и в этом шёпоте слышится не просто движение воздуха, а чей-то осторожный рассказ, который нельзя разобрать, но можно почувствовать кожей. Пахнет перегретой корой и пылью, будто стёрлись грани между живым и почти уснувшим, и на мгновение границы между «сейчас» и «когда-то» истончаются до прозрачности.

Цвета утратили прежнюю яркость, словно невидимый художник слегка размыл их тёплой водой, но в этом его пейзаже проступают иные очертания — нечёткие, как тени воспоминаний. Изумрудная зелень выцвела до тусклого оливкового, местами тронутого рыжиной, будто земля начала примерять осенние одежды. Несобранные вовремя ягоды потемнели, стали почти бордовыми, впитав в себя весь жар полуденных часов и спрятали его внутри, чтобы отдать потом, в какой-нибудь прохладный вечер.

Лепестки подсолнухов поникли, края их скрутились, утратив прежнюю пышность. Они больше не кричат о себе, а тихо склоняются, признавая, что их час настал. И в этом смирении есть что-то древнее, как будто каждый цветок помнит всё, что было до него. Даже небо кажется не синим, а выгоревшим, цвета старого льна, выбеленного солнцем до белёсой прозрачности, и сквозь эту белёсость иногда проглядывает нечто иное — не то чтобы другое небо, а словно намёк на иной мир, скрытый за привычной картиной дня.

Звуки не звенят, а тяжело и неторопливо ложатся в воздух, чтобы задержаться чуть дольше, чем положено. Редко и лениво стрекочет уставший от собственной песни кузнечик, и его трель звучит как одинокая нота в огромной, почти безмолвной симфонии. Где-то вдалеке гудит мотор, добывая воду из тёмных глубин. И этот ровный, усталый гул сливается с сонным жужжанием пчёл, которые лениво переползают с цветка на цветок без прежней суеты. Каждое движение даётся им теперь с усилием, будто они тоже чувствуют, что время стало вязким. Поскрипывает старый клён, ворчит, задевая дощатые стены, напоминает, что всё в мире держится на терпении и времени.

В тени ощущается лёгкая прохлада, но и она не бодрит, а просто спасает от зноя, укрывая, как старое льняное полотно. Хочется стоять неподвижно, вслушиваясь в эту густую тишину, где каждый звук — не всплеск, а тихий отголосок, как будто мир затаил дыхание, чтобы не спугнуть что-то уходящее.

Вивальди уже рассказывал нам о переспелом лете. В его музыке жара и усталость лета становятся почти осязаемыми: в ней есть и томление, и напряжение, и предчувствие перемен. В ней слышится не столько радость урожая, сколько тревога перед грядущей осенью, дрожь воздуха перед грозой, ощущение, что природа балансирует на грани: ещё мгновение, и равновесие нарушится.

Вслед за Вивальди, я тоже решила рассказать вам об уходящем лете, подслушав у кого-то, что оно «переспело».

Хозяин земли

Деревня Ключевская будто нарочно забралась на пригорок, чтобы видеть всю округу: внизу петляла речка Ключевка, по бокам тянулись поля, а за ними — тёмной стеной тайга. Дома тут были старые, но крепкие, с резными наличниками, и каждый будто знал своё место. В Ключевской испокон веку жили не торопясь, с оглядкой да с уважением к земле. Пахло тут по-особенному: дымом из печных труб, свежескошенной травой и смолой с сосновой опушки. А по утрам стелился над Ключевкой туман, словно сама земля выдыхала прохладу, и в этом тумане деревня казалась вовсе не из нынешнего века, а из какой-то давней мудрой сказки.

Евсей Петрович Огарков, бывший бригадир, слыл в деревне хозяином земли по духу. Ему было уже шестьдесят восемь: высокий, жилистый, с выветренным лицом; морщины глубокие, будто борозды, глаза внимательные, чуть прищуренные. Ходил он неторопливо, но уверенно, и в руках у него всегда была какая-нибудь нужная вещь: то топор, то моток верёвки, а то и просто сухая ветка, которую он крутил, будто проверял на прочность. Говорил спокойно, но коль скажет — так скажет. Слово у него крепкое, не перебьёшь.

На лето приехал к Евсею из города внук Ваня — пятнадцатилетний паренёк, худой и быстрый, в джинсах и футболке. Поначалу суетился; было ему в деревне и интересно, и неловко: не хотел показаться чужим. Всё норовил что-то измерить: шагами луг, линейкой ширину доски, даже пытался градусником мерить температуру земли. Евсей только в усы усмехался:

— Ты, Ванюшка, землю не меряй, а слушай. Она шепчет, да не каждому слышно.

А неподалёку жила Мария Степановна — доярка, хозяйка однорогой коровы Зорьки. Круглая, крепкая, с сильными, натруженными руками, она обладала громким, но не злым, а скорее хозяйским голосом. Про коров знала всё, да и про людей тоже немало. Она даже блог про свою корову завела. И в доме коллекцию коровьих статуэток имела — слабость у неё такая появилась: где увидит, сразу прикупит. Зорька — корова особенная: спокойная, умная, давала молоко, из которого сметана получалась густая, как масло, а творог — такой, что за уши не оттянешь. Вся деревня любила Зорьку, и даже мальчишки, бегая по улицам, старались не шуметь возле её «стайки», потому что Зорька не любит суеты. Каждый имел в кармане горбушку чёрного хлеба для знаменитой коровы.

Рядом с Марией постоянно крутился тракторист Семён Пальчиков — парень с открытым лицом и улыбкой до ушей. Смеялся он легко, шутил беззлобно, а в беде первым приходил на помощь. И любил приговаривать, заправляя вихор под модную кепку:

— Главное, Мария, не переживать, а действовать. А если не знаешь, что делать — по старинке чай поставь да подумай…

Был ещё новый житель деревни Тимофей тридцати пяти лет. Дюже деловой, дюже быстрый — всё считал, планировал, прикидывал. Приехал из города, купил дом, хотел «сделать всё по-новому». В Ключевской его терпели, но не очень понимали. Он всё время что-то чертил в блокноте, мерил рулеткой, а однажды даже пытался объяснить Марии, чем правильно кормить корову по «научному рациону». Она тогда только фыркнула:

— Зорькин рацион — это луг да доброе слово. А если ты корове таблицу какую покажешь, она тебя не поймёт.

Лето в тот год выдалось сухое. Трава росла, но была не такая сочная, как раньше. Солнце палило нещадно, и даже куры прятались под крыльцо и сидели там, нахохлившись, будто обиделись на погоду. Мария Степановна всё вздыхала, глядя на свою любимицу:

— Зорька-то моя с каждым днём всё тише мычит. Молока-то, видать, убавилось. Не пойму, почему. То ли трава не та, то ли земля устала.

Как-то раз Ваня шёл мимо, и Мария окликнула его:

— Ты, Ванюшка, столбом-то не стой, помоги ведро донести. Руки у тебя молодые, небось, не отвалятся. Да заодно погляди, какая моя Зорюшка грустная стала.

Ваня подхватил ведро, а сам всё думал: как это Мария так свою Зорьку чувствует. И правда, стоило Марии подойти, как Зорька наклоняла голову, упираясь единственным кривым рогом в хозяйкину грудь, и тихонько вздыхала.

Тем временем Евсей Петрович ходил по лугам, присматривался, нюхал траву, трогал пальцами землю, как будто прислушивался к ней. Потом подвёл итог:

— Земля устала. Ей нужен отдых. Мы её каждый год гоняем, а она сил не копит. Вот и трава уже не та. Она ведь, земля-то, не машина. Кто её понимает, тот и хозяин.

Тимофей, услышав это, усмехнулся, но не зло:

— Дед, сейчас не те времена, когда землю «отдыхать» пускают. Надо удобрять, надо сеять, надо работать. У меня тут планы, расчёты…

— Работать, сынок, конечно, надо, как не работать, — спокойно ответил Евсей Петрович. — А вот как работать — это большой вопрос. Земля не механизм, она чувства имеет. Кто её уважает, тот и слышит. А кто только цифры считает — тот никогда не поймёт, почему нынче трава сохнет.

Ваня слушал и не понимал: как это земля «чувства имеет»?

А Зорька тем временем совсем молоко сбавила. Мария чуть не плакала, записывая контент для блога:

— Да что ж это делается! Она ведь у меня не просто корова, она душа дома! Без Зорьки и дом не дом, и утро не утро. Как без молока-то?..

Семён, проходя мимо, приобнял Марию, за что получил хворостиной. Потирая место, по которому прошлась хворостина, сказал:

— Ты, Маша, не горюй! Давай на дальний луг её выведем, что ли. Там трава повыше, да и ветерок прохладный. Может, взбодрится наша Зорька.

Но дальний луг был спорным: часть его считалась деревенским выгоном, а часть Тимофей распахать хотел.

— Это моя земля, — заявил он. — Захочу картошку посадить — будет картошка.

— Ты участок купил, — твёрдо сказал Евсей Петрович. — А луг этот — общий. Испокон веку здесь пасли. Тут не только твои права, тут и память деревенская.

Начался спор. Одни говорили, что надо действовать по закону: чья земля, тот и решает. Другие — что надо решать по совести: деревня всегда жила сообща.

Семён хлопнул Тимофея по плечу и по-свойски сказал:

— Эй, городской, тут тебе не завод, тут душа нужна. Давай лучше расскажу тебе, где какая трава растёт. Вон там, у овражка, клевер сам собой сеется — сам приходит, потому что любит это место. А ты его под плуг! И пиши пропало — не будет больше клевера.

Ваня смотрел на всё это и чувствовал, как в груди что-то сжимается. Ему хотелось, чтобы Зорька снова давала молоко, и чтобы в деревне никто не ссорился. Он подошёл к Евсею и спросил:

— Дед, а что делать-то? Я ничего не понимаю…

Евсей Петрович посмотрел на него, потом перевёл взгляд на луг, потом на деревню.

— А знаешь, Иван, что я тебе скажу. Хозяин земли — не тот, кто её купил. Хозяин тот, кто её бережёт. Давай-ка собирать народ. Будем вместе решать, что делать.

Собрались ключевские у колодца. Говорили долго, перебивали друг друга, спорили. Потом вдруг замолкали и слушали, как звенит тишина над деревней. Тимофей стоял в стороне, хмурился.

Евсей Петрович поднял руку, и все затихли.

— Не спешите судить, — сказал он. — Земля долго терпит, да больно мстит. Кто её уважает, тому она и отвечает.

Мария сказала прямо:

— Я не прошу отдать мне луг. Я хочу, чтобы Зорька попаслась немного. Хочу, чтобы она свежей травке порадовалась, а то жуёт прошлогоднее сено. А с сена какая радость?!

Семён, прищурив глаз, добавил:

— Забыли мы, как с землёй разговаривать. Забыли, что она не только для работы, но и для жизни.

Тогда Евсей Петрович подытожил:

— Предлагаю так: дальний луг не пахать. Пусть отдохнёт. Пусть Тимофей возьмёт другой участок, а мы ему по-соседски поможем его обустроить. А Зорьку на луг выведем. Пусть пасётся. Трава только лучше от этого станет. Удобрения вносить не нужно — корова сама как надо удобрит.

Долго молчали. Тимофей вздохнул, посмотрел на людей, будто впервые увидел, и сказал:

— Ладно. Пусть будет по-вашему. Но одно условие: хочу, чтобы вы мне показали, как у вас всё устроено. Вы, дядя Евсей, по-старому живёте. А я по-новому хочу. Но, видать, без старого нового не получится.

И тогда ключевские поняли, что Тимофей не враг им, а просто чужак, которому помощь нужна.

Зорьку вывели на дальний луг. Трава там была высокая, прохладная, и уже через неделю молоко снова пошло. Мария улыбалась, поглаживая корову по рыжему боку:

— Видишь, Зоря, деревня тебя не бросила! А я всегда говорю — наши люди сердцем добрые.

Семён подмигнул ей:

— Я говорил, что Зорьке надо дать клевера и тишины. Может, ещё пару ласковых слов. Корова, она ведь всё понимает.

И Ваня вдруг понял, что значит быть хозяином земли: не владеть, а беречь; не покорять, а слушать. Утром за завтраком, прихлёбывая Зорькино парное молоко, он сказал Евсею:

— Дед, я к тебе обязательно вернусь. И буду учиться понимать землю. Не по книжкам, а по-настоящему.

Евсей Петрович кивнул, чуть улыбнулся в усы:

— Вот и славно. А пока бери грабли да помоги Семёну сено ворошить. Земля любит, когда её не только слушают, но и руками трогают.

Ваня шёл по лугу и чувствовал, как земля тихо и терпеливо отзывается под ногами.

Михаил Войтович

Эпоха

Эпоха внутри нас —
На острие иглы,
Продетой сквозь седую вечность,
На кончике пробитого крыла…
Когда настанет час,
Где будешь ты,
В дыму каких отечеств?
Поставишь что на кон и во главу угла?

Эпохе всё равно
В шеренге дней,
Идущих строем через тьму столетий,
Летящих мотыльком на свет;
Мы здесь давно —
В этой игре теней,
Бессчётной череде трагикомедий
Среди тряпья и обесцененных монет.

Эпохе не понять
За гранью сна
Наших надежд и бесприютных жизней,
Страстей и веры, злости и любви —
Вся наша рать
Чумой поражена,
И петухи сто лет кричат под утро трижды,
А древний грубый холст по-прежнему кровит.

Эпоха — зыбкий плен
На том краю,
Где нас уже не ждут, тем более — не помнят,
Но кто поймёт её исходный код,
Презреет тлен,
Окажется в раю,
Что равен на Земле тиши пустынных комнат
У мёртвых берегов среди глубоких вод…

Скрипач

Его игра — трепещущий огонь,
Глаза безумные пылают в пол-лица,
А извлечённый звук — как в сердце ножевое:
Дрожит смычок, пульсирует огонь,
Его игра — и вдохновение творца,
И гения дыхание живое.

Зал замер, воздух зазвенел,
Частицы света устремились ввысь,
Внимая звукам неземным, нездешним —
Как будто сам Орфей той скрипкой пел,
Как будто здесь гостила сама жизнь,
Прощая все грехи всем грешным.

Скрипач не видел ничего вокруг —
Во власти нерастраченных страстей
Горел звездой у высшего престола —
Свободный танец виртуозных рук,
И голос струн — божественных снастей —
Запретная игра на грани фола.

Бродяга, странник Млечного пути,
Его смычок — как ключ к загадкам мира,
Что отпирает душ чугунные замки.
Он — Бог, он песнь сирены во плоти;
Уже не скрипкой — освящённой лирой
В блаженство погружает взмах руки.

Концерт окончен. Опустилась тьма.
Зал опустел, сгустилась ночь, погасли свечи,
Луна светила потрясённым людям,
Которые вдруг осознали, что зима
Не может царствовать в их душах вечно,
И что явилось перед ними чудо.

Скрипач остался вновь один —
Седой старик с беспомощной улыбкой,
Без крова, без иллюзий, без друзей;
Но всё же он над всеми господин,
Когда рука опять легко коснётся скрипки,

Чтоб вырваться из паутины дней.

Песнь заурядности

Гордые планы, открытия дерзкие —
Где это всё? В небытие…
Стали канаты истёртыми лесками,
Где стражи стояли — встречают портье.

Подвиги ратные, битвы великие —
Всё измельчало в сетях цифровых,
Смерть и огонь сеют птицы безликие —
Царствие мёртвых в пейзажах живых.

Раны открытые, жертвы напрасные,
Горечь обманутой веры и страх,
Тленом пропитаны ткани атласные,
Ядом — все яства на праздных пирах.

Блуд, бесовщина — дары непотребные,
Подлость и жадность — товар ходовой.
Пылятся на полках свитки волшебные,
Совесть и правда ушли на покой.

Где же атланты, титаны могучие —
Взяли пигмеи и земли, и власть,
Спряталось солнце за чёрными тучами,
Тьмой ощетинилась алчная пасть.

Кончились сказки, предания добрые,
Сильным да смелым заказан проход:
Воины света в лохмотьях ободранных
Строят вслепую свой призрачный флот.

Гимн ординарности, песнь заурядности:
Правят ничтожества про́клятый бал,
Злобный оскал под личинами святости,
Танец химер в царстве мутных зеркал.

Петли затянуты узами кровными,
Всюду предательство — морок теней,
Тихо ржавеют скрепы духовные

В калейдоскопе бессмысленных дней.

Карнавал

Пляски смерти. Блеск и нищета порыва,
Яркое безумство карнавала.
Дым костров — иллюзия привала,
Танцы с бубнами, отчаянные песни
На краю скалистого обрыва.

Боль в глазах, поминки по ушедшим.
В каждом бьётся безутешной птицей
Вечная несокрушимая частица
Той божественной любви и искры,
Что присущи очевидно сумасшедшим.

Ветры времени ускорились внезапно,
Но морщины — лишь узоры на картине.
Жар мучительных желаний не остынет,
Если кровь горячая — толчками в жилах,
И уже нет шанса для пути обратно.

Так танцуйте, пока есть пространство для манёвра,
Пока воздуха хватает для простого вздоха.
Важен только этот миг, что нам эпоха?
С её лживо-беспощадной паутиной,
Где свобода воли в пыль растёрта.

Карнавал кружит. Безудержный, блестящий
Вихрь самых откровенных красок.
Выбирай любую из понравившихся масок —
Прирастёт навеки вместе с кожей,
И забудешь, кто ты настоящий.

Он заменит с лёгкостью высокое постыдным,
Превратит господ в холуев беспородных.
И наоборот, в метаниях бесплодных
Обернётся серый мир лоскутным одеялом,
Станет явным тайное и спрятанное — видным.

Но до дна другого человека не добраться:
Там секреты за семью замками,
Бег галактик над сожжёнными мостами,

Только на поверхности — веселья пена —
Жажда лицемерить и кривляться.

Всполохи огня в движеньях непристойных.
Завтра нет, тогда к чему притворство?
Пусть покой будет наградой за упорство
Тем, кому хватило развороченного сердца
Умереть красиво и достойно.

Стрелы судьбы

Утро не выспалось после ночных кутежей,
Ветер гуляет по закоулкам дворов.
Солнце осыпалось пеплом пустых миражей,
Больше не обещая обильных даров.

Больше нет тех, кто следует воле меча,
Тех, кто без колебаний выбрал свой путь.
Делай, что любишь — тогда не потухнет свеча,
Будь в этом твёрд, как скала, и текуч, как ртуть.

Но без потопа не будет построен ковчег,
Стрелы судьбы всё равно поразят свою цель.
Ведь без любви не сможет прожить человек,
Как без зимы никогда не наступит апрель.

Боги устали от тех, кто трактует их сны,
Тех, кто вторгается в их заветный чертог;
Но древние догмы по крайней мере честны,
А новые ждут, когда явится новый пророк.

Замерли мысли, застыл мировой океан.
Мы этот мир оставим до лучших времён,
Когда не останется книг, городов и стран,
И больше никто не вспомнит наших имён.

Это наш личный — последний закат на двоих,
Мёртвые звёзды отдали свой призрачный свет,
Но сердце ещё трепещет в объятьях живых,
И значит, есть ещё шансы встретить рассвет…

Монолог в баре

Чёрная соль эпох
Под сапогами дней.
Мы никуда не спешим,
Сметая остатки крох
С давно насиженных мест.
Лучше, старик, налей —
Солнце простреливает насквозь
Окна моей души,
Гвоздь плавно входит в крест,
Сыпется пеплом хребет;
Пусто моё нутро,
Сам у себя я гость,
Сам для себя я враг.
Мой сумасшедший бог
Умер вместе со мной;
Некому делать добро,
Совесть трещит по швам,
Рёбра ревут навзрыд —
Сердца за ними нет,
Но не окончен бой;
Новый вируса штамм
В клетках нашей крови́.
В блуд превратился стыд,
В ад — придуманный рай.
Стаей бескрылых птиц,
Тоскующих о любви,
В клочья друг друга рвём:
Это не крик, а лай,
Волчий горючий вой,
Горький солёный плач
Под масками вместо лиц.
Так, старик, и живём,
Смерть забирая в плен.
Время вернуться домой —
Будь ты хоть слеп, хоть зряч,
Не признавая стен.
Но нет, ты не прав, старик,
Я сделал всё, что мог.
Жаждет ещё душа
Мира вместо войны,
Веры без глупых догм,
Хочет сама решать —
Солнца глоток или тьмы
Сделать в последний миг…

Квантовая теория мира

Предугадать и знать нам не дано,
Что с этим миром завтра будет,
Куда придём, сжигая старые листы,
Когда истлеет это полотно,
Шаг в пропасть, бездну пустоты —
Исход уже записан в Книге Судеб?

Мы суть одно со сложносочинённым миром,
От сотворения его до самого конца —
Фундаментальные бессмертные частицы,
Звучащие то тьмой, то вдохновенной лирой —
Потребность в маски разные рядиться
Под терпеливым взглядом общего Отца…

Ведь в квантовой теории Вселенной
Любой итог предусмотрел Создатель —
Бессчётное число изгибов бурных рек,
Где каждый выбор в торжестве момента
Запечатлеть способен только человек —
Безжалостный наивный наблюдатель.

И вся эпоха с её мрачным скарбом —
Всего лишь миг, набор простых крупиц,
Чьё хаотичное бесстрастное движение
Способно стать великим светлым даром
В невыносимой лёгкости скольжения
По белому величию страниц…

Танечка Счастливая

Бусины на стекле

В этом мире, Вселенной, я знаю, что мы не одни.
В небе звёзды сияют, чтоб путь освещать как огни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.